

Телеология неоламаркистовъ.

III. Телеология, причинность и целестремительность.

Въ предыдущей статьѣ¹⁾ мы изложили ученіе неоламаркистовъ о цѣлесообразности, ихъ теорію телеологическихъ актовъ: она начинается, какъ мы видѣли, съ анализа отношеній телеологии къ причинности: этотъ пунктъ, въ виду его особаго философскаго интереса, мы и поставимъ здѣсь въ первую очередь на обсужденіе.

Конечно, съ самаго начала необходимо остановиться на анализѣ понятія цѣли, цѣлесообразнаго, составляющаго центръ всякаго телеологического ученія. Здѣсь мы вступаемъ въ область, где всего плодотворнѣе и закономѣрнѣе ощущается необходимость связи чисто эмпирическихъ данныхъ науки съ теоретико-познавательными и логическими построеніями: здѣсь естествоиспытатель *необходимо* долженъ обратиться къ философскому анализу, чтобы оправдать и уяснить себѣ приложимость принципа цѣли въ природѣ: точно такъ же и философъ пользуется данными опыта въ качествѣ полы примѣненія телеологического принципа. Правда, естествоиспытатели стараго закала, какъ мы уже говорили раньше, стремятся вообще избѣгнуть допущенія принципа цѣли въ свои механико-каузальныя построенія; они въ такихъ случаяхъ нисколько не прибѣгаютъ къ философскому анализу понятій и теорій, а догматически, исходя изъ своей вѣры въ механичность міра, устраняютъ понятіе цѣли изъ области своего разсмотрѣнія. И въ то же время, помимо воли и сознанія, они повсюду и постоянно пользуются этимъ запретнымъ принципомъ, безъ чего была бы непонятна роль орга-

¹⁾ См. „Б. В.“, мартъ.

новъ, іхъ функції и т. д., и сами ихъ „механическіе“ законы развитія покоятся также на телеологическихъ основаніяхъ, не исключая и самой борьбы за существование и естественного отбора. Это и есть та „безсознательная телеология“ (*Вундтъ*), которая борется съ понятиемъ цѣли, и въ то же время постоянно имъ пользуется.

Въ самомъ понятіи „цѣлесообразнаго“ мы необходимо должны различать два момента: активный и пассивный, т.-е. различать понятія „*приспособляться*“ и „*быть приспособленнымъ*“¹⁾. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ на лицо *устремленіе* (*Erstreben*) къ нѣкоторой цѣли, „имѣніе цѣли“, нѣкоторый динамический элементъ; во второмъ мы лишь констатируемъ наличность цѣлесообразнаго, безотносительно ко всікому устремленію; нетрудно видѣть, что вопросъ о проиходженіи цѣлесообразнаго тѣсно связанъ именно съ *активнымъ* моментомъ въ понятіи его; есть ли цѣлесообразное продуктъ устремленія къ цѣли, или же оно возникло въ силу другихъ, не связанныхъ съ понятіемъ цѣли причинъ,— вотъ основной вопросъ. Второй вопросъ таковъ: если цѣлесообразное есть продуктъ устремленія къ цѣли, то ктоставить эти цѣли? Ставить ли ихъ самъ стремящійся къ цѣлесообразности индивидуумъ, или же нѣкій высшій Разумъ? Сообразно съ этимъ необходимо установить точную терминологію.

Починъ въ этомъ направлениіи былъ сделанъ знаменитымъ эмбріологомъ К. фонъ-Бэръ еще въ 70-хъ годахъ XIX столѣтія; онъ вмѣсто *Zweck*, *zweckmässig* (—keit) вводитъ термины *Ziel*, *zielstrebig* (—keit) потому, что эти послѣдніе термины менѣе напоминаютъ предвзятое намѣреніе²⁾. Нѣкоторые переводчики даже такъ и переводятъ—*Zweck*—„намѣреніе“, а *Ziel*—„цѣль“, чтобы подчеркнуть эту разницу; во всякомъ случаѣ, терминъ *Zielstrebigkeit*—„цѣлестремительность“—уже вошелъ въ всеобщее пользованіе. Самъ Бэръ такъ мотивируетъ необходимость такой терминологіи: *Ziel*—понятіе болѣе неопределеннное, благодаря чему оно заключаетъ въ себѣ и понятіе *Zweck*; однако, оно не предполагаетъ, какъ

¹⁾ *Lotsy*. Vorlesungen .. Bd. I, стр. 34. *Iensen*, Organische Zweckmässigkeit. 1907, стр. 22.

²⁾ *K. von-Baer*. Auswahl aus seinen Schriften, von prof. Stölzle. стр. 20.

это послѣднее (*Zweck*) сознанія. *Das Ziel* есть конецъ движения и совершенно не заключаетъ необходимости или принужденія. „*Zweck*, по нашему вѣмецкому словоупотребленію, есть сознательно избранная *Ziel*, почему *Zweck* и не должна разыскиваться въ природѣ“¹⁾. Въ русскомъ языкѣ трудно передать эту разницу между *Ziel* и *Zweck*; мы имѣемъ лишь одно слово для обоихъ случаевъ; перевести *Zweck*—„намѣреніе“—можно лишь съ большой натяжкой, но и то нельзя образовать точнаго термина, соответствующаго слову „*zweckmässig*“: все равно, приходится переводить его „цѣлесообразный“.

Какъ бы то ни было, изъ этого анализа понятій и терминовъ мы видимъ, что „цѣлестремительность“ означаетъ, во-первыхъ—непреднамѣренность цѣли, во-вторыхъ—наличность активнаго элемента, „стремительности“. Можно, конечно, спорить относительно пригодности этого термина: напр. *König* думаетъ, что онъ отнюдь не устраниетъ необходимости предположенія цѣлестановленія (*Zwecksetzung*), а лишь сглаживаетъ, затушевываетъ ее; Бэр удастся устранить подразумѣвающуюся ставящую цѣли разумность или реализующую цѣли волю²⁾. *Эйслеръ* же думаетъ, что „цѣлестремительность вполнѣ мыслима и не заключаетъ въ себѣ ничего мистического; ее надо понимать въ смыслѣ тенденціи существа къ измѣненію неприспособленнаго, непріятнаго и возстановленія подходящаго, пріятнаго или, по крайней мѣрѣ, выносимаго состоянія“³⁾.

Далѣе, необходимо отмѣтить, что весьма строго нужно различать цѣлесообразность телесологического *акта* и „цѣлесообразность цѣли“, если можно такъ выразиться; всякий актъ цѣлесообразенъ, если онъ достигаетъ какой-нибудь намѣченной конечной цѣли, но какова эта самая цѣль—вопросъ другой: цѣль можетъ быть нелѣпой, вредной и т. д. Тутъ возможна большая путаница понятій, и чтобы предупредить ее, необходимо указать, что обиходное, такъ сказать, употребленіе понятія „цѣлесообразности“ обычно подмѣняетъ его поняті-

¹⁾ K. von-Baer. ibid., стр. 21.

²⁾ König. Über *Naturzwecke*. „Philosophische Studien“, Bd. 19, 1902; 437 примѣч.

³⁾ Eisler. Kritische Einführung in der Philosophie. 1905 г. стр. 241.

емъ „полезности“, т.-е., различныя дѣйствія и образованія разсматриваются съ точки зрѣнія ихъ пригодности для поддержанія жизни и благосостоянія индивидуума или рода. Однако, мы усиленно подчеркивали ранѣе, что таковая *утилитарная* точка зрѣнія и основанная на ней телеология слишкомъ узки, неглубоки и не захватываютъ многихъ явлений природы, не могущихъ быть оцѣненными съ точки зрѣнія полезности; другими словами, цѣль процесса можетъ и не быть обязательно чѣмъ нибудь полезнымъ. „Цѣлесообразнымъ“ съ обычной точки зрѣнія, *полезно не всегда есть цѣль телеологическихъ актовъ*. Поэтому-то мы ранѣе и указывали всегда, что большее количество явлений природы ускользываютъ изъ сферы вопросовъ, объяснимыхъ дарвинизмомъ и ламаркизмомъ лишь потому, что эти оба учения слишкомъ прочно стоятъ на утилитарной точкѣ зрѣнія, т.-е. убѣждены, что цѣль измѣненій, приспособленій и т. д.—*полезность*: въ дѣйствительности же цѣли телеологическихъ процессовъ природы сами по себѣ весьма гадательны, и заниматься ихъ оцѣнкой—не входить въ наши задачи; къ тому же это сопряжено съ опасностью вернуться къ старой телеологии цѣлей природы и предугадываемыхъ намѣреній въ ней: мы будемъ обсуждать лишь телесологичность самихъ процессовъ, т.-е. наличность *устремленія* къ нѣкоторымъ цѣлямъ; каковы же эти цѣли сами по себѣ—мы обсуждать и оцѣнивать пока не будемъ.

Многими учеными и со всѣхъ сторонъ уже выяснено, что понятіе цѣли первоначально абстрагировано изъ отношеній человѣческой волевой дѣятельности, въ которой принципъ цѣли имѣть особенно значительную сферу примѣненія.

„Разъ установлено, что понятіе цѣли извлекается изъ волевой дѣятельности, то и наоборотъ—послѣдняя заключаетъ въ себѣ понятіе цѣли какъ свой существенный элементъ. Понятіе цѣли необходимо предполагаетъ присутствіе разумности (*Intelligenz*) и воли (*Wollens*), во первыхъ: потому что цѣль есть нѣчто представляемое и только въ представленіи состоящее; во вторыхъ—потому что указывается на настоящій или будущій волевой актъ. Мы увидимъ далѣе, что если мыслима разумность безъ воли, то слѣпая, не направленная къ опредѣленной цѣли воля не существуетъ и не можетъ существовать, и какой-либо тѣлесный актъ мо-

жеть быть названъ волевымъ актомъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ соотвѣтствуетъ какому-либо представлѣнію¹⁾.

Въ виду такой связи понятія цѣли съ психикой дѣйствующей личности многіе, особенно противники признанія безсознательной психики, настаиваютъ на необходимости всегда связывать понятіе цѣли съ наличностью *сознательной*, пользующейся предыдущимъ опытомъ разумности: „цѣлесообразное дѣйствіе или цѣлесообразный процессъ, съ одной стороны, и сознаніе съ другой—такія явленія, которыхъ нельзя раздѣлять произвольно“²⁾. Поэтому цѣлесообразная дѣйствія мы можемъ предполагать лишь тамъ, где имѣется развитая нервная система: допускать цѣледѣйствующіе факторы при отсутствіи нервной системы значить, по мнѣнію многихъ, впадать въ полный произволъ, которому не будетъ никакого предѣла³⁾.

Такимъ образомъ, понятіе цѣли специально примѣнено въ субъективной сферѣ и тѣсно связано съ основными проявленіями психики; возникаетъ новый вопросъ: какова же природа этого принципа, не субъективенъ ли онъ самъ по себѣ? Неоламаркисты и неовиталисты оспариваютъ это,teleologи же кантіанцы, начиная съ самого Канта, утверждаютъ не менѣе решительно субъективность принципа цѣли. Рѣшенію этого центральнаго вопроса мы придаемъ большое значеніе; тутъ должно выясниться также и вопросъ объ отношеніи телесологіи къ причинности.

Неоламаркисты, какъ мы это показали въ предыдущей статьѣ, исходятъ изъ положенія, что причинность имѣть необходимо всеобщее значеніе, но ею одной не исчерпываются наличныя въ природѣ связи явленій и венцей; причинность всеобща, но не единственна: кромѣ нея есть еще, напр., связь телесологическая, которая отличается отъ причинной тѣмъ, что вместо двухъ членовъ, причины и слѣдствія, она характеризуется *трехъ* членами, между которыми имѣется на лицо телесологическое соотношеніе. Именно, за *a* наступаетъ въ такъ, что становится возможнымъ *c*; *a* и *c* перемѣнны, *c*—постоянно.

¹⁾ König. *Über Naturzwecke. „Philos. Studien“*, Bd. 19, стр. 421—4.

²⁾ Бюли, „Mechanismus und Vitalismus“, русск. пер. въ сборнике „Сущность жизни“, 1903 г. стр. 201.

³⁾ Ibid., стр. 200; Tensey, бр. сіт., стр. 127—8.

Эти воззрѣнія, формулированныя *Коссманномъ*, какъ намъ кажется, не укрѣпили позиціи неоламаркістовъ, и едва ли способны хоть сколько-нибудь решить вопросъ о взаимоотношениі телевологіи и причинности; въ нихъ много наивнаго и даже прямо нелѣпаго. Противъ начального утвержденія всеобщности, но не единственности причинной связи, едва ли возможно спорить: законъ причинности заключается лишь въ формальномъ требованіи, чтобы разсматривать каждое явленіе не обособленнымъ, не абсолютно автономнымъ, но находящимся въ связи хоть съ однимъ изъ остальныхъ; ничто не возникаетъ само по себѣ, и всякое явленіе должно имѣть свою *причину*. Однако, требованія закона причинности отнюдь не простираются ни на выясненіе, какова эта причина; ни на характеръ самой связи; за однимъ явленіемъ необходимо слѣдуетъ другое, но какъ, это не важно. Поэтому законъ причинности прямо не касается реальныхъ связей и взаимоотношений въ мірѣ явленій, ихъ можетъ быть безчисленное множество, но все онѣ должны удовлетворять одному требованію: у каждого послѣдующаго явленія должно быть свое предыдущее, съ которымъ оно находится въ прѣкоторой закономѣрной связи.

Телевологическая связь явленій, по нашему глубокому убѣждению, есть, въ сущности, та же причинная, но лишь взятая въ другой плоскости, подъ другимъ угломъ зреинія: причинная—чисто логическое требованіе голой послѣдовательности; телевологическая—уже вноситъ принципъ *опытности*, она хочетъ выяснить *мысль*, значеніе процесса: она интересуется не столько самой послѣдовательностью, сколько конечнымъ результатомъ, къ которому приводитъ цѣль несомнѣнно причинныхъ взаимоотношеній. Поэтому, какъ намъ кажется, нельзя считать причинность и телевологію явленіями одного порядка, и признавать лишь одно изъ нихъ, или замѣнять его другимъ; причинность нельзя поставить на мѣсто телевологіи, какъ нельзѧ выражить вѣсъ въ единицахъ длины. *Коссманнъ* же явно считаетъ эти обѣ закономѣрности хотя и противоположными, но сравнимыми, способными замѣщать одна другую: тамъ, где действуетъ его трехчленная формула, обычной двухчленной причинной уже неѣтъ места. Мы уже упоминали о толкованіи *Вагнера*, пытающагося понимать подъ причинностью у *Коссманна* лишь механиче-

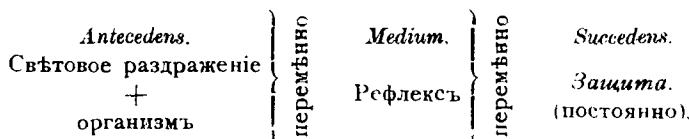
скую причинность; но это толкованіе совершенно произвольно, такъ какъ Коссманнъ вездѣ говоритъ прямо о причинности вообще. По его мнѣнію, хотя матерія и энергетические элементы организма и таковы же, какъ и въ неодушевленной природѣ, однако они обнаруживаются въ организмѣ особую,teleologическую закономѣрность, отличающуюся оть причинной; обѣ закономѣрности являются выраженіями единой общей необходимости природы. Коссманнъ вообще утверждаетъ наличность teleологическихъ связей лишь въ организованной природѣ. Значитъ, по его мнѣнію, причинность и teleология не существуютъ одновременно, а замѣняютъ одна другую: въ неорганическомъ мірѣ—простая причинность; въ органическомъ—teleология. Мы же убѣждены, что и причинная, и teleологическая связь существуютъ одновременно, приложими къ однѣмъ и тѣмъ же процессамъ и нисколько не вторгаются въ области другъ друга, хотя бы просто потому, что эти ихъ области лежать въ различныхъ плоскостяхъ и столкновеніе между ними невозможно.

Обратимся къ формулѣ Коссманна; по нашему мнѣнію, она не выдерживаетъ никакой критики. Прежде всего, выражение $M=f(S)$, гдѣ M измѣчиво, а S постоянно, есть математическая нелѣпость, и перемѣнная функция M оть постояннаго S противорѣчитъ самому понятію функции. Но, кроме функциональныхъ отношеній, здѣсь замѣняются неизбѣжно и временные; именно, сперва мы имѣемъ *antecedens* потомъ *medium*, потомъ *succedens*; средній членъ оказывается въ функциональной зависимости оть перемѣннаго A , предшествующаго M , и оть постояннаго S , послѣдующаго по отношенію къ M , каковая сложная закономѣрность, да еще съ временной послѣдовательностью, *математически* также безсмысlenна¹⁾. Необходимо обратить вниманіе на третій членъ формулы Коссманна, его знаменитый постоянный S ; всякому очевидно, что это вовсе не что-либо реальное, а просто лишь абстрактное понятіе отношенія, принадлежащес рефлексіи, а не дѣйствительности.

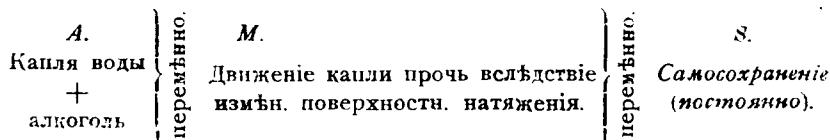
---

¹⁾ Lensen. Die organische Zweckm  igkeit., стр. 152.

Принимимъ схему телесологической связи по Коссманну:

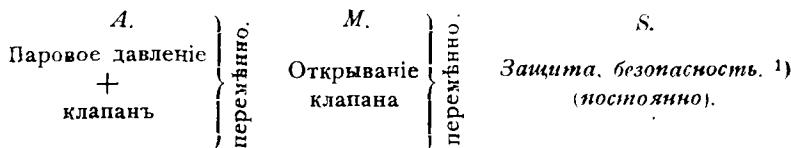

Ясно, что защита есть лишь наше сужденіе о значеніи или цѣли суженія зрачка для организма. Эта третій членъ, конечно, постояненъ, какъ *понятіе*. Въ то время какъ суженіе зрачка (*medium*) мыняется сообразно съ свѣтовымъ раздраженіемъ (*antecedens*). Но спрашивается, какъ *medium*, нѣкоторый реальный процессъ, актъ, можетъ зависѣть отъ *succedens*, который не болѣе, какъ отвлеченнное понятіе? ¹⁾ Въ реальную причинную связь вдругъ вторгается понятіе, претендующее при этомъ на роль причины, такъ какъ, по мысли Коссманна, рефлексъ зависитъ и отъ свѣтового раздраженія, и отъ своей цѣли, т.-е. защиты. Какимъ же образомъ возможно здѣсь установить реальную связь? Отвѣтъ, конечно, можетъ быть только одинъ: *S*, какъ постоянное понятіе, можетъ быть причиной *M* только не какъ его послѣдующее, а какъ *предшествующее ему представление цѣли*: тогда придется принять третіему члену „*eine ideelle Präexistenz*“, по выражению Кенига, идеальное предсуществование въ видѣ представления. Только въ этомъ случаѣ третій членъ получаетъ смыслъ *причины*, отъ которой можетъ зависѣть *M*; въ волевомъ процессѣ *M* мы назовемъ *средствомъ*. Въ тѣхъ же процессахъ, которые разбираетъ Коссманнъ, третій членъ его формулы—просто субъективная оцѣнка процесса, которая отнюдь не связана при этомъ необходимо съ одними органическими процессами: формула Коссманна, вопреки его намѣреніямъ, вполнѣ примѣнна и къ неорганическимъ процессамъ, напримѣръ:

¹⁾ *Бюнди*, оп. cit., стр. 206.

или еще:

Коссманнъ думалъ своими формулами уловить новую закономѣрность природы, равноцѣнную съ причиной, но уловилъ лишь давно всѣмъ извѣстную абстракцію, приложенную къ огромному количеству чисто причинныхъ органическихъ или неорганическихъ процессовъ, безразлично. Никакой специальной телеологической закономѣрности, которую стоило бы выражать формулами и ставить на мѣсто причинной, неѣтъ: всякая телеология должна базироваться на *обычной* причинности, съ привнесениемъ субъективного момента *оценки* процесса въ связи съ *конечнымъ его результатомъ*. Если мы не будемъ обращать вниманіе на конечный результатъ и оценку процесса, то получимъ обычную, объективную причинную связь.

Такимъ образомъ, можно лишь посовѣтовать неоламаркистамъ не опираться въ своихъ построеніяхъ на „эмпирическую телеологію“ Коссманна, и не стремиться замѣнять законъ причинности своимъ телеологическимъ, хотя бы потому, что это просто *невыполнимо*. Телеологическая связь явленій возможна и имѣется въ дѣйствительности, но она осуществляется неизбѣжно въ формѣ причинной связи, даже механической, и мы должны въ цѣли механически обусловленныхъ событий подмѣтить проявленіе закономѣрности иного порядка—телеологической; эта иная закономѣрность и есть истинная основа механизма, *fons mechanismi*, по выражению Лейбница. Неоламаркисты, какъ намъ кажется, легко могутъ отбросить всѣ построенія Коссманна, не потерявъ ничего и много выигравъ въ цѣльности и основательности своихъ возврѣній; формулы Коссманна не вытекаютъ органически изъ основоположеній неоламаркизма, и попытки связать ихъ другъ съ другомъ нужно признать просто ложнымъ шагомъ на пути къ теоретико-познавательному оправданію телевологии.

¹⁾ *Бюнн,* оп. сіт., стр. 266; *Ленсен,* оп. сіт., стр. 155.

Цалънѣйшій логическій анализъ взаимоотношенія понятій цѣли и причинъ приводить насъ къ признанію общности происхожденія обоихъ понятій; законъ причинности, помимо своей абсолютной всеобщности, содержать въ себѣ еще другое свойство—постоянную возможность логического обращенія (*Umkehrung*): „цѣлевая связь есть обращенная причинная: причинный принципъ есть следование отъ причины къ дѣйствіямъ, а цѣлевой принципъ, наоборотъ,—отъ слѣдствій къ причинѣ, т.-е. отъ цѣли къ средствамъ“¹⁾). „Связь цѣли и средства есть обращенная связь причины и слѣдствія, и всякую причинную связь принципіально можно обратить въ телѣологическую, и наоборотъ. Однако, такое обращеніе не всегда возможно въ отдѣльныхъ случаяхъ, вслѣдствіе недостаточности нашихъ знаний условій явленія: отсюда видно, что въ естествознаніи есть двѣ формы примѣненія принципа цѣли: 1) живиагентный причинному разсмотрѣнію; 2) провизорный, долженствующій служить какъ бы замѣщеніемъ окончательно не завершенного причинного разсмотрѣнія. Первая форма заимствована изъ разсмотрѣнія искусственной машины, и примѣнится всего чаще въ механикѣ, а также, напр., при объясненіи сердечныхъ и дыхательныхъ движений и т. под. Провизорный же принципъ примѣняется почти только въ биологии, что ясно слѣдуетъ изъ сложной природы биологическихъ проблемъ... Къ таковому провизорному цѣле-разсмотрѣнію относится, напр., представление о равновѣсіи между ассимиляціей и диссимиляціей, на чемъ поконится сохранность жизненныхъ особенностей клѣтки, приспособленія организма къ ихъ жизненнымъ условіямъ, и т. д. Все эти телѣологическія понятія, содержащія, однако, много причинныхъ проблемъ, которая частью (напр., въ вопр. о равновѣсіи...) уже съ успѣхомъ разработаны причиннымъ анализомъ. Если это и не во всѣхъ случаяхъ удастся, то это еще отнюдь не даетъ основаній считать телѣологический способъ разсмотрѣнія окончательнымъ и призывать цѣледѣятельныя жизненные силы: такой способъ, прежде всего, представляеть собо логическую ошибку противъ сущности цѣлевого принципа, именно, въ виду его обратимости²⁾. Весьма важно то обстоятельство, что общее по-

¹⁾ Wundt. *Grundzüge der physiologischen Psychologie*. Bd. III, 1903, стр. 696.

²⁾ W. Wundt. *Logik*. Dritte Auflage, 1907; Bd. II, стр. 563—5.

происхождению телеологической и причинный принципъ глубоко раздѣляются понятіями *свободы и необходимости*. „Дѣйствіе есть причина внѣшнаго результата и, въ то же время, средство, благодаря которому послѣдній достигается. Эта психологическая общность происхождения обоихъ понятій повліяла и на пониманіе ихъ логического отношенія. Если съ предположеніемъ о *субстанциальной причинѣ* связывается постулатъ *необходимости* ея дѣйствій, то въ этомъ въ то же время заключается отрицаніе цѣли: такъ какъ всѣ дѣйствія количественно и качественно опредѣлены въ субстанціи, то выборъ между различными возможными результатами, какъ его производить дѣйствующій сообразно цѣлямъ разсудокъ, невозможенъ. Если, напротивъ того, субстанціи приписывается *свобода* при произведеніи ея дѣйствій, такъ что дѣйствительныя события представляются результатами совершившагося выбора, то субстанція сама есть *цѣлепричина* (*Zweckursache*) и, какъ таковая, она изъята отъ всякаго принудительного опредѣленія¹⁾. Нѣкоторые сторонники теоріи эволюціи полагаютъ, что она должна совершенно замѣнить телеологическое объясненіе причиннымъ. „Однако, это утвержденіе основано на непониманіи истиннаго значенія понятія цѣли. Послѣднее существуетъ вѣдь налицо далеко не только тамъ, гдѣ, подобно тому, какъ это бываетъ при нашихъ произвольныхъ поступкахъ, представление о цѣли предшествуетъ ряду событий; но его слѣдуетъ признать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда какая либо причинная связь въ силу правильности опредѣленныхъ конечныхъ эффектовъ, и комбинацій, въ которыхъ вступаютъ другъ съ другомъ эти эффекты, вызываетъ логическое предвосхищеніе дѣйствій, которое должно сдѣлать понятіемъ связь самихъ причинныхъ условій... И витализмъ прежней физіологии былъ ошибоченъ не потому, что онъ вообще примѣнялъ телеологическое истолкованіе, а потому, что онъ примѣнялъ его въ смыслѣ того ложнаго понятія *цѣлепричины*, при которомъ, вместо требуемаго здѣсь регрессивнаго причиннаго объясненія, производилось лишь подведеніе подъ общія понятія. Поэтому нынѣшняя физіология никоимъ образомъ не устранила понятія цѣли и при изслѣдованіи функций развитаго организма, но примѣняетъ,

¹⁾ Вундтъ. Система философіи. р. пер. 1902 г. стр. 191.

его точно въ томъ же смыслѣ, какъ и практическая механика; какъ видъ *причиннаго* истолкованія, при которомъ, въ силу специальныхъ условій предмета, за исходный пунктъ принимаются тѣ дѣйствія, которыя производятъ органы и ихъ элементы порознь и совмѣстно¹⁾). Характерно, что никто такъ не извѣдалъ нужды въ обращеніи причиннаго объясненія въ цѣлевое, какъ именно *механическое* направление въ біологии, стремившееся разсматривать организмъ какъ „природную машину“²⁾). Противъ этого положенія обѣ обратимости причиннаго процесса въ телеологической и обратно ничего нельзѧ возразить по существу, по необходимо сдѣлать нѣкоторыя необходимыя оговорки и ограниченія. Очевидно, что *Wundt* имѣть здѣсь въ виду лишь чисто логическую, формальную сторону вопроса, и оперируетъ съ абстрактнымъ процессомъ, какъ бы съ математической формулой: однако, было бы большими заблужденіемъ думать, что въ результатахъ такового обращенія мы и въ дѣйствительности изъ причинной связи получимъ телеологическую, настоящую и полноцѣнную; мы получимъ, на самомъ дѣлѣ, только ея необходимое *условіе*, безъ котораго она не можетъ осуществиться, но, кромѣ того, мы должны привнести и нѣчто новое, чего не было въ причинной связи. Мы уже говорили ранѣе, что причинная связь носить безразличный, индифферентный характеръ; кромѣ того, она совершенно не заключаетъ въ себѣ динамического элемента, устремленія; этотъ элементъ, въ то же время, совершенно необходимъ для телеологического процесса и представляеть, можно прямо сказать, одинъ изъ характернѣйшихъ его признаковъ. Представление цѣли можетъ и отсутствовать въ телеологическомъ актѣ, но активнаго стремленія къ хотя бы и не сознанной цѣли исключить изъ него нельзѧ: когда цѣлесообразное возникаетъ случайно, мы не можемъ уже говорить о цѣлесообразномъ *актѣ*: тутъ имѣется налицо цѣлесообразное образованіе, но нѣть никакихъ внутреннихъ телеологическихъ основаній для его возникновенія; это—внѣшняя телеология случайности, столь характерная для дарвинизма.

Причинная связь, какъ общее формальное требование на-

¹⁾ *Ibid.*, стр. 196.

²⁾ *Wundt, Logik.*, стр. 567.

шего разсудка, совершенно одинаково можетъ удовлетвориться указаніемъ того, или другого, или третьяго явленія въ качествѣ причины; ей нужно лишь, чтобы вообще было какое бы то ни было предшествующее явленіе, могущее быть названнымъ причиной изслѣдуемаго явленія. Тутъ совершенно не можетъ быть рѣчи о *направлениіи* процесса; оно безразлично съ точки зрењія формальной причинности. Однако, оно совершенно не безразлично для процесса телеологического: въ немъ есть стремленіе въ нѣкоторомъ *определенномъ* направлениіи, и произвольная перемѣна послѣдняго влечетъ за собой, по большей части, нарушеніе цѣлесообразности самого акта. Правда, одна и та же цѣль можетъ достигаться различными путями, но наличность *направленія* въ общемъ смыслѣ здѣсь все же остается безспорной.

Изъ этого видно, что когда мы подвергаемъ регрессивному обращенію причинный процессъ, то происходитъ слѣдующее явленіе: мы, т.-е. иѣкіе сознательно дѣйствующіе индивидуумы, беремъ явленіе, служащее причиной въ каузальной связи, за *цѣль* (очевидно, въ формѣ представленія, придавая ей „*eine ideelle Präexistenz*“), а слѣдствіе употребляемъ въ качествѣ *средства*: въ результатѣ мы и получаемъ, правда, телеологический процессъ изъ обращенного причинного, но какимъ путемъ? — *влишательство и сознательной содѣ* разумнаго индивидуума. Только воля, способная придать направленіе и движение причинной связи, можетъ обратить ее въ настоящую телеологическую; безъ участія *направляющей и регулирующей воли* эта знаменитая „обратимость“ останется абстрактной логической формулой, непримѣнимой къ дѣйствительнымъ процессамъ; воля, олицетворяющая собою динамический элементъ, характеризующій телеологический актъ, совершенно чужда и не нужна причинному отношенію; тамъ все рѣшается въ предѣлахъ категорій разума, и ей тамъ нечего дѣлать; въ телеологической же связи мы не можемъ обойтись безъ нея, дающей направленіе и дѣлающей изъ причинной связи телеологическую. Но скажутъ: вѣдь и въ процессахъ неорганическихъ, чисто механическихъ, есть *направленіе*, совершенно определенное? Однако, мы по этому признаку еще не считаемъ таковой механический процессъ за телеологический? Совершенно вѣрно, но не нужно упускать изъ виду, что это „направленіе“ въ

механическихъ процессахъ опредѣлено совершенно необходимо разъ навсегда, можетъ быть точно. формулировано, предсказано и осуществляется всегда одинаково, въ цѣли однихъ и тѣхъ же причинныхъ членовъ. Тутъ налицо имѣется какъ разъ та „необходимость“, о которой говоритъ *Бунотъ*, и которая не имѣть такой власти надъ явленіями органическаго міра, гдѣ *стремленіе* можетъ выразиться въ видѣ весьма различныхъ сочетаній: здѣсь возможенъ нѣкоторый *выборъ*, какъ результатъ *свободы*. Приведемъ такой приимѣръ: допустимъ, что если мы нагрѣемъ нѣкоторый металлический стержень на 1° , то получимъ приростъ его длины въ 1 міл.; тутъ связь просто причинная, и легко тотчасъ же установить зависимость:

нагрѣваніе на 1° —производить—удлиненіе на 1 міл. Всякий разъ, какъ мы такой стержень будемъ нагрѣвать на 1° , мы *необходимо* будемъ получать удлиненіе на 1 міл. Эту причинную связь путемъ обращенія можно сдѣлать телеологической, и она приметъ такую форму: чтобы получить удлиненіе опредѣленного стержня на 1 міл., надо нагрѣть его на 1° . Слѣдствіе (удлиненіе) выступаетъ здѣсь въ качествѣ *цѣли*, а причина (нагрѣваніе)—въ качествѣ *средства*. Возьмемъ теперь образчикъ изъ другой области: допустимъ, что нѣкій экспериментаторъ установилъ, что повышение температуры на 10° при воспитаніи куколокъ даетъ болѣе интенсивную окраску извѣстныхъ частей крыльышка опредѣленного вида бабочекъ: эта зависимость, несомнѣнно, причинная, но уже совсѣмъ иного характера, чѣмъ въ случаѣ удлиненія стержня отъ нагрѣванія; тутъ совершенно нѣть *необходимаго стѣданія*; тотъ же самый видъ на то же самое повышение температуры на 10° можетъ реагировать и совершенно обратно—поблѣднѣніемъ окраски, или даже вовсе не реагировать; онъ можетъ дать или одну, или двѣ, или три, или даже смѣсь нѣсколькихъ aberrаций; все это неоспоримо подтверждено экспериментами. Поэтому, когда мы попробуемъ обратить эту связь въ телеологическую, и сказать, что для полученія болѣе интенсивной окраски крыльышекъ опредѣленного вида бабочекъ нужно повысить температуру на 10° , то это будетъ лишь допустимымъ предположеніемъ, которое можетъ оправдаться, а можетъ и не оправдаться; это совершенно не то, что непоколебимая увѣренность въ слу-

чай чисто механической связи. Въ случаѣ воздействія, напр., повышенной температуры на организмъ мы должны, прежде всего, считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что это воздействиѣ выражается въ формѣ раздраженія, которое можно уподобить искрѣ, взрывающей пороховой погребъ: незначительное само по себѣ раздраженіе можетъ вызвать весьма большія послѣдствія. Но, что всего важнѣе, кромѣ количественного несоответствія между раздраженіемъ и реакцией, весьма часто наблюдается и *качественное различие*: реакціи могутъ быть весьма разнообразны и одно и то же раздраженіе можетъ вызывать самыя различные, даже *противоположные* реакціи. Въ этомъ отношеніи очень поучительны явленія такъ наз. „*гетероморфоза*“ при регенерации утраченныхъ частей организма: очень часто организмъ возмѣщаетъ потерю путемъ созданія нового образования, не похожаго на утраченное, напр.—регенерируетъ ходильную ножку вместо клешни (у рака), и т. д. Не нужно упускать, конечно, изъ виду, что въ органическихъ явленіяхъ преобладаютъ болѣе сложныя взаимоотношенія, болѣе сложные и трудные для анализа виды механической связи, такъ что часто трудно установить причинную цѣль; но, помимо этого, самое важное заключается въ томъ, что въ тѣхъ органическихъ процессахъ, которые мы называемъ *телеологическими*, приводить въ механическую связь и нечто новое: то, что дѣлаетъ возможнымъ выборъ и устремленіе согласно ему, т.-е.. нечто похожее на *психику*, что и создаетъ *телеологический актъ*. Измѣненіе температуры не просто механически вызываетъ измѣненіе пигmenta, какъ мы это уже указали ранѣе; оно производить известное дѣйствіе на „*ощущеніе состоянія*“ субъекта, по терминологіи неоламаркистовъ: возникаетъ „потребность“ такъ или иначе измѣнить свое состояніе сообразно съ измѣнившимися условіями. При этомъ, чтобы рѣзче оттѣнить *наличность* психического члена въ этой послѣдовательности, неоламаркисты подчеркиваютъ, что *ощущеніе потребности* не вызываетъ *прямо* средства къ своему удовлетворенію, а только *стремленіе* къ устраниющей потребности *реакціи*, которая и пользуется подходящими средствами¹⁾.

¹⁾ Wagner. Geschichte, стр. 271.

Если мы будемъ, такимъ образомъ, считать возможнымъ въ дѣйствительности обращеніе всякой причинной зависимости въ телеологическую, то рискуемъ совершенно стушевать эту основную разницу между ними. упустивъ психической факторъ, имѣющійся налицо лишь въ телеологическихъ актахъ, и совершенно отсутствующій въ актахъ механическихъ. Такимъ образомъ, „обращеніе“ должно носить лишь отвлеченный, логически-формальный характеръ; телеологическая и механическая связи, обѣ равно являющіяся формами причинной связи, различаются участіемъ въ телеологической особаго жизненнаго фактора, который неоламаркісты называютъ психическимъ, обусловливающимъ нѣкоторую свободу этихъ актовъ; отсутствіе же этого фактора (если, конечно, онъ не вносится извнѣ въ видѣ человѣческаго интеллекта) и необходимость характеризуютъ связь механическую.

Итакъ, отсюда ясно, что телеология противоположна не *причинности*, а *механичности*, и конфліктъ возможенъ только съ ней. И телеологическая, и механическая послѣдовательность равно причинны; но между собой они не согласуются, потому что основаны на различныхъ принципахъ.

Чтобы решить критически этотъ вопросъ, намъ необходимо обратиться къ Канту и его „Критикѣ способности сужденія“, на которую часто ссылаются неоламаркісты и съ которой не менѣе часто они полемизируютъ. Нужно предупредить, что позицію Канта въ вопросѣ о телеологии многие считаютъ не совсѣмъ ясной, и даже такие кантіанцы, какъ Кенигъ, затрудняются сказать точно, былъ ли онъ настоящимъ телеологомъ въ смыслѣ напихъ неовиталистовъ, или же сторонникомъ механистической біологии; это трудно решить на основаніи „Критики способности сужденія“, которая изъ всѣхъ его главныхъ сочиненій представляетъ наибольшія затрудненія для пониманія и допускаетъ много толкованій. Кенигъ даже думаетъ, что самъ Кантъ не достигъ полной ясности въ этихъ своихъ возврѣніяхъ¹⁾). Противники же телеологии Канта, какъ напр. Гартманнъ, прямо утверждаютъ, что она представляетъ собой скопленіе острѣйшихъ противорѣчій, и т. д.²⁾.

¹⁾ Prof. Edm. König. Kant und Naturwissenschaft. 1907. стр. 171.

²⁾ Ed von Hartmann. System der Philosophie im Grundriss. Bd. II. Grundriss der Naturphilosophie. стр. 55.

Кантъ настаиваетъ на недостаточности механизма для объясненія органическихъ явлений: „Органическое существо не есть только машина, ибо оно имѣеть не только движущую силу, но обладаетъ и творческой силой и притомъ такой, какую она сообщаєтъ матеріи, еще неусвоенной ею (организуетъ ее).—слѣдовательно, распространяющейся творческой силой, которую нельзя объяснить только черезъ движущую способность (механизмъ)“.¹⁾ „Органическій продуктъ природы есть то, въ чемъ все цѣль и вмѣстѣ все средство. Ничего въ немъ не бываетъ даромъ, безцѣльно и ничего нельзя приписать слѣпому, физическому механизму“²⁾. При научномъ изслѣдованіи необходимо, по мнѣнію Канта, откинуть *рез-цидъльность и случайность* образованій: „все въ мірѣ для чего-нибудь хорошо, ничего въ немъ неѣть безцѣльного“³⁾. Это признаніе необходимости телеологической точки зренія служить поводомъ для неоламаркистовъ утверждать, что Кантъ признавалъ, въ сущности, ихъ „принципъ сужденія“: „что цѣлесообразное можетъ происходить лишь благодаря намѣренно (absichtlich) дѣйствующей причинѣ, благодаря „принципу сужденія“,—для Канта составляло положеніе аподиктической достовѣрности. Онъ повторяетъ его въ безчисленныхъ примѣненіяхъ. Такъ же аподиктически достовѣрна была для него невозможность думать, будто цѣлесообразное могло возникнуть благодаря механической причинности, изъ слѣпыхъ дѣйствующихъ силъ матеріи“⁴⁾. Это кантовская, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ламарковская аксіома: телеология. Кантовская аксіома основывается на непрекаемомъ заключеніи, что всякое искусственное сооруженіе, геометрическая фигура или машина можетъ получиться лишь какъ слѣдствіе мыслящей причины, а слѣдовательно, и подобные машины продукты природы, каковъ организмъ, должны имѣть „принципъ сужденія“ въ качествѣ причины.

Кантъ стремится далѣе выяснить характеръ примѣненія принципа цѣли къ явленіямъ природы, и приходитъ:

¹⁾ Кантъ. *Критика способности сужденія*. пер. Соколова, 1898 г. стр. 258, 261.

²⁾ Ibid., стр. 261, 264.

³⁾ A. Pauly. Das urteilende Prinzip und die mechanische Kausalitt bei Kant und im Lamarckismus. „Kosmos“. Stuttg., 1906 г. стр. 269.

къ выводу, что нѣть никакихъ основаній приписывать природѣ объективную цѣлесообразность; однако, введеніе телевологическихъ сужденій въ естествознаніе допустимо, „но только для того, чтобы по аналогіи съ причинностью по цѣлямъ подвести его подъ принципы наблюденія и изысканія, не имѣя притязанія объяснить его по этой причинности“ ¹⁾). Понятіе цѣли отнюдь не вводить въ науку какой-нибудь сверхъестественной причины, „не вводить особой основы причинности, а прибавляютъ только ради примѣненія разума другой родъ изслѣдованія, чѣмъ изслѣдованіе по механическимъ законамъ, дабы выполнить недостаточность послѣдняго даже для эмпирическаго изслѣдованія всѣхъ частныхъ законовъ природы“. Это „только видъ причинности природы по аналогіи съ нашою въ техническомъ примѣненіи разума“. Мы не можемъ рѣшить, достаточно ли однѣхъ силъ природы (механизма природы) для производства продуктовъ природы, или же здѣсь участвуетъ нѣкій архитектонической разумъ; мы этого не можемъ рѣшить объективно, но „по отношенію къ нашей познавательной способности одинъ механизмъ природы не можетъ дать никакой основы для объясненія происхожденія органическихъ существъ“ ²⁾). „Если я говорю: возникновеніе извѣстныхъ вещей природы возможно только черезъ такую причину, которая опредѣляется къ дѣятельности по намѣреніямъ,—то это нѣчто совершенно другое, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда я говорю: я, по своей разнымъ свойствамъ моей познавательной способности, о возможности этихъ вещей и ихъ возникновеніи не могу судить иначе, если не мыслю себѣ для этого причины, которая дѣйствуетъ по намѣреніямъ, т.-е. существа, которое продуктивно по аналогіи съ причинностью разсудка. Въ первомъ случаѣ я хочу рѣшить нѣчто относительно объекта и обязанъ доказать объективную реальность предполагаемаго понятія, во второмъ—разумъ опредѣляетъ примѣненіе моей познавательной способности соотвѣтственно своимъ особенностямъ и существеннымъ условіямъ какъ своего объема, такъ и своихъ границъ. Слѣдовательно, первый принципъ есть обзективное основоположеніе для опредѣляющей, а второй—субъ

¹⁾ Кантъ, ibid., 242 стр.

²⁾ Ibid., стр. 268—271.

ективное основоположение только для рефлектирующей способности суждения,—значить, только максима ея, которой указывает ей разумъ¹⁾.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Кантъ центръ тяжести вопроса о телеологии переносить въ область субъективную, и въ этой же сфере рѣшаетъ и вопросъ о взаимоотношениіи телеологии и причинности; онъ говоритъ, что понятіе о вещи, какъ цѣли природы въ себѣ, можетъ быть лишь *регулятивнымъ*, а не *конститутивнымъ*. (Кантъ, ib., 259 стр.). Это нужно понимать такъ: можно утверждать, что Кантъ не причислялъ къ *категоріямъ* понятіе цѣли, и придавалъ ему существенно иное значеніе, нежели понятію субстанціи или причинности. Понятіе цѣли хотя и есть „ein besonderer Begriff a priori“, однако его происхожденіе коренится не въ чистомъ разумѣ, а въ рефлектирующей силѣ суждения, т.-е. оно составляеть просто вспомогательное средство для установленія единства и связи въ собраніи того, что сть точки зрѣнія чистаго разума кажется случайнымъ. Понятія разума *апріорны* и *конструтивны*, т.-е. суть условія возможности опыта, понятія же силы суждения хотя и *апріорны*, однако лишь *регулятивны*, т. е. суть формы, которымъ дополнительно мы подчиняемъ объекты опыта, не будучи связаны понятіемъ самого объекта. Напр., законы субстанціи и причинности, которые разумъ предписываетъ природѣ a priori, имѣютъ формальный характеръ; они требуютъ, чтобы во всѣхъ явленіяхъ содержалось нѣчто неизмѣнное или чтобы каждое измѣненіе имѣло своей причиной другое явленіе, и при этомъ всѣ особенности, число и т. д.,—все, что находится въ природѣ субстанцій, а также содержаніе единичныхъ законовъ природы они оставляютъ неопределенными. Понятіе цѣли во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ не есть категорія, которая должна быть примѣняема къ всякому возможному предмету опыта,—это просто максима способности суждения, при по-

¹⁾ Кантъ, ib., стр. 289. *Опредѣляющая способность сужденія* только подводитъ объекты подъ *данные* законы или понятія, какъ *принципы рефлектирующей*—должна подводить подъ законъ, который еще не данъ; она должна сама создать *субъективный принципъ*, служащий для цѣлесообразнаго примѣненія познавательной способности. Кантъ, ibid., стр. 271.

моиць которой мы ищемъ единства среди случайностей, а никакъ не теоретическое сужденіе о самомъ объектѣ¹⁾.

Принципъ цѣли, хотя и выводится изъ опыта, но онъ настолько всеобщъ и необходимъ, что долженъ имѣть въ основѣ какой-нибудь принципъ *a priori* (хотя бы и регулятивный), и хотя бы эти цѣли заключались только въ идеѣ тогого субъекта, который высказываетъ сужденіе (*Кантъ*, ib., 261 стр.). Но нельзя пользоваться вещами, какъ цѣлями природы, въ качествѣ основы объясненія ихъ существованія; нельзя, напр., считать рѣки цѣлями природы лишь потому, что онъ содѣйствуютъ общенію между народами внутри страны и т. д. (*Кантъ*, ib., 264 стр.).

Спрашивается теперь, какое же мѣсто можетъ занимать механическое объясненіе явлений природы наряду съ такимъ широкимъ примѣненіемъ телеологического принципа? Кантъ полагаетъ, что мы должны „всѣ продукты и событія природы, даже самые цѣлесообразные, объяснять механически до тѣхъ поръ, пока только это въ нашей возможности, но, несмотря на эти механическія причины, эти продукты мы должны подчинять причинности по цѣлямъ“. „Разумно и даже похвально слѣдить за физическимъ механизмомъ въ интересахъ объясненія продуктовъ природы настолько далеко, насколько это возможно дѣлать съ вѣроятностью и, если прекращать этотъ опытъ, то не потому, что на этой дорогѣ невозможно встрѣтить цѣлесообразности природы *въ себѣ*, а потому, что это невозможно для насъ, какъ людей; для этого нужно нечто совершенно другое, а не наше чувственное созерцаніе, и нужно опредѣленное познаніе интеллигibleльного субстрата природы, основаніе для котораго можно было бы указать даже изъ механизма явлений по частичнымъ законамъ; а все это совершенно превышаетъ нашу способность“²⁾.

Теперь возникаетъ для *Канта* самый важный вопросъ: даетъ ли намъ телеологическая точка зренія право заключать о нѣкоторомъ разумномъ Первосуществѣ, которое и опредѣляетъ эти цѣли природы? Основу цѣлесообразности, говорить *Кантъ*, нужно искать *внѣ природы*, въ вышнемъ

¹⁾ *König*, op. cit., стр. 172--3.

²⁾ *Кантъ*, op. cit., стр. 312.

разсудкѣ, а отнюдь не искать ея въ матеріи, которую нельзя мыслить живою (понятіе живой матеріи заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, ибо безжизненность, *inertia*, есть существенное свойство ея; гилозоизмъ невозможенъ). „Но это только основа для рефлектирующей, а не для опредѣляющей способности сужденія—она безусловно не можетъ давать намъ права ни для какого объективнаго утвержденія“ (*Кантъ*, ib., 284—5 стр.). „Объективно мы не можемъ доказать сужденія: есть разумное первосущество,— но можемъ доказать его только субъективно, для примѣненія нашей способности сужденія въ ея рефлексіи о цѣляхъ въ природѣ, которыхъ мы не можемъ мыслить ни по какому другому принципу, кромѣ принципа преднамѣренной причинности, высшей причины“ ¹⁾.

Такимъ образомъ, *Кантъ* призналъ нѣкоторую неравноправность принциповъ причиннаго и телеологического въ объективной ихъ оцѣнкѣ. Кромѣ того, его требование понимать органические процессы насколько только возможно глубже— механически, создаетъ антиномію съ необходимостью примѣнять къ тѣмъ же органическимъ процессамъ телеологическую точку зреянія. *Тезисъ* гласить: „необходимо, чтобы о всякомъ произведеніи материальныхъ вещей и ихъ формъ возможно было судить только на основаніи механическихъ законовъ“. *Антитезисъ* утверждаетъ: „о нѣкоторыхъ продуктахъ материальной природы, т.-е. организмахъ, нельзя судить только на основаніи механическихъ законовъ: ихъ разсмотрѣніе требуетъ совершенно другого рода причинности, именно—закона конечныхъ причинъ“. Если мы эти противорѣчивыя положенія примемъ за физические объективные законы, то мы получимъ неразрѣшимое противорѣчіе: но антиномія разрѣшается легко въ томъ случаѣ, если мы признаемъ оба положенія лишь за *максимы способности сужденія*; при этомъ нужно допустить, что тезисъ относится къ опредѣляющей, а антитезисъ—къ рефлектирующей способности сужденія; тогда эта антиномія окажется призрачной и устраняется сама собой ²⁾.

Вопросъ объ отнесеніи принципа цѣли къ рефлектирующей способности сужденія вызвалъ много споровъ и недо-

¹⁾ Кантъ сто. 290.

²⁾ *Кунo-Фишеръ*. Кантъ, полуут. II, стр. 507--9.

разумъній; напр., *Гартманнъ* стоитъ на той точкѣ зрењія, что не только причинный, но и телеологический способъ разсмотрѣнія имѣеть *категоріальный* характеръ, и *Кантъ* якобы лишь по тому предубѣжденію не включилъ принципъ цѣли въ таблицу категорій, что будто телеологический актъ есть нѣчто подобное *сознательному*, произвольному волевому акту, т.-е. сложному психическому процессу, съ участіемъ представлениія цѣли и т. д., чего нельзя переносить, по мнѣнію *Канта*, на отношенія виїшняго міра. Въ дѣйствительности же, сознаніе въ телеологическомъ актѣ отнюдь не является необходимымъ условіемъ: оно вполнѣ можетъ отсутствовать, не вызывавъ этимъ никакихъ измѣненій въ телеологическихъ отношеніяхъ.

Разматриваемые гносеологически и причинность, и телеологическая связь не созданы изъ воспріятій, но суть *значенія* связи происходящаго, гипотезы, привносимыя разумомъ, чтобы ориентироваться въ своихъ воспріятіяхъ, говорить Гартманнъ. Естествознаніе боится въ лицѣ теологии допустить въ природу произвольно свободный факторъ, который нарушилъ бы замкнутую ея причинность. Оно боится допустить вмѣстѣ съ телеологіей въ природу нѣчто не-естественное, сверх-природное, метафизическое, что, по ученію агностиковъ, непознаемо. Эту *теофобію* нужно разматривать какъ дѣтскую болѣзнь молодой, преуспѣвающей науки. Финальность въ такой же степени закономѣрна, какъ и причинность, хотя ея законы нельзя выразить математически; о произвольной же свободѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Естествознаніе, не раздумывая, оперируетъ только съ причинностью, безъ которой оно ничего не могло бы подѣлять, и отбрасываетъ телеологію, не относящуюся непосредственно къ его „орудіямъ“; это еще терпимо въ физикѣ, но недопустимо въ біології¹⁾. По мнѣнію Гартманна, въ мірѣ царить общий „Finalkausalit t“²⁾; „Финальность и причинность въ царствѣ природы суть равноправныя и взаимно координированныя категоріи, которые въ дѣйствительности всегда связаны между собой и могутъ

¹⁾ Ed. von Hartmann. Grundriss der Naturphilosophie, стр. 53—55.

²⁾ E. von Hartmann. Ibid. стр. 65—67.

быть раздѣлены лишь абстрагирующей дѣятельностью сознательной мысли”¹⁾.

Не трудно замѣтить, что *Кантъ* и *Гартманъ* стоятъ на различной почвѣ: *Кантъ* ставитъ вопросъ чисто гносеологически; его интересуетъ формальная, логическая сторона вопроса, и онъ оперируетъ съ *абстрактными* процессами, а не реальными, протекающими въ живой природѣ; даже больше, *Кёнигъ* убѣжденъ, что *Кантъ* и не рѣшилъ вопроса о томъ, какова *реальная* связь явлений природы—механическая или телеологическая, а лишь думалъ о томъ, какую изъ этихъ двухъ схемъ положить въ основу при разсмотрѣніи явлений въ качествѣ руководящей нити²⁾. Гартманъ же стремится, наоборотъ, идти отъ природы, отъ опыта къ познающей способности человѣка, и изъ наличности телеологии въ природѣ оправдывать ея равноправіе съ причинностью въ глазахъ изслѣдующаго разума. Тутъ и возможно, намъ кажется, найти путь къ примиренію этихъ противорѣчащихъ взглядовъ въ томъ направленіи, что можно придать *двоенное значение* принципу цѣли, сообразно двумъ сферамъ его примѣненія, или, вѣрнѣе, двумъ точкамъ зреенія на него: съ точки зреенія критики силы сужденія онъ, конечно, не болѣе, какъ субъективная максима рефлектирующей способности сужденія, но не фикція, а обладающая необходимостью въ примѣненіи къ разсмотрѣнію органическихъ явлений; эта категорія не обладаетъ такой же универсальностью, какъ категорія причинности, но все же поконится на априорномъ, хотя и регулятивномъ принципѣ. Итакъ, не пускаясь въ запутанные вопросы о категоріальности принципа цѣли, мы поставимъ вопросъ болѣе подходящимъ для нашихъ задачъ образомъ: *дѣйствительно ли принципъ цѣли — только субъективный способъ разсмотрѣнія явлений, и не имѣетъ объективнаго значенія?* Неоламаркисты и неовиталисты, вообще—всѣ современные телевологи-біологи усиленно настаиваютъ на объективномъ значеніи принципа цѣли. Напр., *Райнке* говоритъ: „если бы было справедливо, что только человѣческий умъ толкуетъ природу въ смыслѣ ея цѣлесообразности, то

¹⁾) *E. von Hartmann. Die Finalit t in ihrem Verh ltniss zur Causalit t Philosoph. Studien, Bd. 18, 1903 г стр. 512.*

²⁾) *K nig. Kant und Naturwissenschaft. стр. 174.*

растенія и животныя перестали бы быть цѣлесообразными, если бы вымерли все людіи¹⁾). Вагнеръ полагаетъ, что Кантъ ошибочно считалъ телесологію лишь способомъ разсмотрѣнія, а не научнымъ принципомъ объясненія; но нужно имѣть въ виду, что Кантъ всегда имѣлъ передъ глазами лишь трансцендентную телесологію, для научного опроверженія которой, по мнѣнію Вагнера, намъ не нужно теперь никакого Канта²⁾). Дѣйствительно, сравнивъ современную автор-телесологію неоламаркистовъ съ типичной „альtruистической“ телесологіей Канта мы сразу увидимъ, что ихъ даже трудно сравнивать между собой; въ нихъ есть несомнѣримый элементъ.

Для Канта вся телесологія сводилась къ обнаруживаемымъ цѣлямъ природы, которая ставитъ высшій Разумъ, его теология носитъ рѣзко трансцендентальный характеръ, когда въ бездушную, мертвую матерію извѣтъ вкладывается смыслъ и жизнь, стремленіе и развитіе, эволюціи, какъ ее теперь понимаютъ. Кантъ не зналъ, и въ мірѣ понятій и категорій чистаго разума, съ которыми онъ преимущественно оперировалъ, все было опредѣлено разъ навсегда, по неизмѣннымъ законамъ разума, какъ въ системѣ Спинозы; опытъ, реальная природа—все это казалось чѣмъ-то виѣшнимъ, не имѣющимъ самостоятельной цѣли: разумъ предписывалъ свои законы природѣ. Поэтому и вся телесологія Канта совершенно отвлеченнаго сорта; она даже не задается вопросомъ о реальной цѣлесообразности природы, а прямо считаетъ ее приносимой извѣтъ; она изучаетъ не реальные процессы, которые мы называемъ телесологическими, а связь и происхожденіе понятій, ихъ логическая, формальная отношенія. И въ этомъ смыслѣ понятіе цѣли, именно цѣли природы, назначенія отдѣльныхъ вещей, конечно, явно субъективнаго и эвристического характера и есть лишь максима рефлектирующей способности сужденія; именно о такихъ цѣляхъ все время и говорить Кантъ: *другихъ онъ не знаетъ*.

Но со временемъ Канта многое измѣнилось въ этой области; появилось понятіе о *прииспособленіи*, психическомъ факторѣ

¹⁾ König. Über Naturzwecke, стр. 433, примѣч. Reinke: Welt als That. 1899 г., стр. 255.

²⁾ Wagner. Geschichte... стр. 150.

органическихъ измѣнений, обѣ автономіи жизненныхъ процессовъ, о регуляціи и т. д., родилась современная теорія эволюціи со всѣми сопутствующими ей теоріями и построениями. Вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно измѣнилось и самое понятіе цѣли и употребленіе его: имъ уже не пользуются для обозначенія цѣлей природы; уже не ищутъ трансцендентнаго разума, ставящаго свои цѣли въ природѣ; даже болѣе, говорять о непреднамѣренныхъ цѣляхъ, безсознательныхъ цѣляхъ и т. под., т.-е. собственно говоря, не совсѣмъ точно пользуются понятіемъ цѣли: нужно бы сказать—цѣлестремительность, стремленіе, влеченіе—вотъ съ чѣмъ оперируетъ современная телеология. Всѣ эти элементы совершенно чужды Канту; у него даже вообще нѣтьteleologического *акта*; у него цѣлесообразность дана, но не возникаетъ и, тѣмъ болѣе, не развивается. Поэтому, напр., развитіе длинныхъ ногъ у прибрежныхъ птицъ въ результатахъ упражненія—несомнѣнно, телеологический процессъ,—для Канта осталось бы непонятнымъ: никто не рѣшился бы приписать птицамъ разсужденіе: „давайте, разовьемъ ноги, чтобы лучше ходить по дну водоемовъ“, и въ то же время современный естествоиспытатель не признаетъ удлиненіе ногъ осуществленіемъ цѣли, поставленной высшимъ Разумомъ; какова же можетъ быть въ этомъ процессѣ роль „эвристического принципа цѣли“? Онъ можетъ быть примѣненъ лишь къ конечному результату, въ формѣ нашего субъективнаго сужденія: „у прибрежныхъ голенастыхъ птицъ ноги длинны для того, чтобы имъ удобнѣе было ходить по дну водоемовъ, не намокая въ водѣ“. Это и есть примѣненіе эвристического принципа цѣли. Но въ самомъ телеологическомъ процессѣ онъ не игралъ, да и не могъ играть активной роли; тамъ дѣйствовалъ, очевидно, какой-то иной принципъ, имѣющій и объективное значеніе. Птица, стремясь какъ можно выше стоять на ногахъ въ водѣ, чтобы не намокнуть, не ставить себѣ сознательной цѣли — удлиненіемъ ногъ избавиться отъ этого неудобства, и никто иной такой цѣли птицѣ неставилъ, а между тѣмъ, путемъ длительного упражненія и наследственной передачи удлиненіе ногъ было достигнуто, и обсуждая этотъ конечный результатъ, мы можемъ сказать, что удлиненіе ногъ—это *цѣль* всего процесса; но какая цѣль? Это просто наша *оценка* акта. Однако такой цѣли никто тѣ-

перъ и не будетъ стремиться приписать объективное значение; никто не признаетъ за ней и способности быть побудительной причиной, стимуломъ телеологического акта; такой побудительной причиной можетъ быть только то, что не совсѣмъ точно называется *цѣлестремительностью*, понимаемой какъ стремленіе, въ данномъ случаѣ — избѣжать намоканія. но не въ видѣ преднамѣченной сознательно цѣли; это имманентная, имѣющая объективное значение движущая причина телеологического акта; очень часто ее называютъ *цѣлью*, стараясь втиснуть въ это достаточно определенное понятіе и непреднамѣренность, и динамической элементъ — стремленіе, но это просто лишь неудачная терминология: нужно пользоваться въ такихъ случаяхъ бэрковской „*Zielstrebigkeit*“, переводимой по русски словомъ „цѣлестремительность“ за отсутствіемъ различныхъ терминовъ для „*Ziel*“ и „*Zweck*“.

Кромѣ того, мы можемъ указать и такие факты, когда цѣль, существующая сначала въ видѣ сознательного представленія цѣли, достигаетъ своей объективаціи во вѣѣ, является до нѣкоторой степени, причиной, производящей вполнѣ объективныя явленія; именно, сюда подходитъ вся сознательная цѣледѣятельность человѣка и высшихъ животныхъ. Всѣмъ известно, что телеологическая связь явленій всего яснѣе замѣтна въ сферѣ психической жизни; но она не остается лишь въ границахъ психики, а вліяетъ (хотя бы черезъ посредство механическихъ связей) на явленія объективнаго міра. Этого нельзя отрицать по отношенію къ человѣку и трудно не допустить по отношенію къ высшимъ животнымъ. Неоламаркисты эту цѣледѣятельность на высшихъ ступеняхъ сознанія и берутъ за исходный пунктъ своей телеологии, считая, что она же проявляется и на низшихъ ступеняхъ развитія въ видѣ той *цѣлестремительности*, о которой мы говорили выше и которая обусловливаетъ появление приспособленій и многихъ морфологическихъ измѣненій. Это же разумѣеться и Гартманнъ, говоря, что вполнѣ законно рассматривать цѣлесообразную дѣятельность человѣческаго духа какъ лишь освѣщенную свѣтомъ сознанія саму по себѣ безсознательную цѣлесообразность природы. Прежде всего, говорить Гартманнъ, человѣкъ долженъ признать цѣлесообразность (*Finalitt*) въ своихъ волевыхъ дѣй-

ствіяхъ; онъ имѣть въ сознаніи сперва мотивъ, затѣмъ цѣль, въ третьихъ—причинную связь между цѣлью и средствомъ, въ четвертыхъ—направленный на средство волевой актъ. Во многихъ случаяхъ оба среднихъ члена (цѣль и причинная связь) остаются безсознательными, и сознаются лишь оба крайнихъ члена (мотивъ и волевое дѣйствіе). Только рефлектирующая цѣлесообразная дѣятельность вполнѣ сознательна, инстинктивная—полусознательна, рефлекторная—сознательна лишь на четверть ($\frac{1}{4}$), и въ органическихъ образованіяхъ вполнѣ *бессознательна*. Въ рефлекторныхъ дѣйствіяхъ есть лишь сознаніе мотива, или раздраженія. Цѣлесообразность въ мірѣ, начавшись съ бессознательной стадіи въ органическихъ образованіяхъ, постепенно все болѣе и болѣе пріобщается къ сознанію, черезъ рефлекторную и инстинктивную ступень возвышаясь до сознательной, рефлектирующей. Спросимъ себя теперь: каковъ же характеръ понятія цѣли въ этихъ телеологическихъ актахъ? Можетъ ли онъ считаться лишь субъективной максимой способности сужденія? Очевидно, нѣтъ; понятіе цѣли можетъ имѣть и нѣкоторое объективное значеніе, которое проявляется въ телеологическихъ актахъ; отсюда ясно, что эта новѣйшая біологическая телеология, къ которой въ значительной степени примыкаетъ и Гартманнъ, стоитъ совсѣмъ на иной почвѣ, нежели Кантъ, и располагаетъ совсѣмъ инымъ материаломъ; поэтому и самое содержаніе понятіе цѣли у нихъ различно, различны и конечные выводы. Типично трансцендентную телеологію Канта, оперирующую съ формальными понятіями и оставляющую въ сторонѣ реальную природу, трудно даже сравнивать съ автотелеологіей неоламаркистовъ, утвержденной на новѣйшихъ экспериментахъ и неохотно пускающейся въ критику происхожденія и связи отвлеченныхъ понятій. Они говорять на различныхъ языкахъ: Кантъ о трансцендентныхъ цѣляхъ природы, неоламаркисты—объ имманентной цѣлестремительности, отрицающей цѣли природы; Кантъ—о формальной телеологической связи понятій, неоламаркисты—о реальныхъ телеологическихъ *актахъ*, о которыхъ Кантъ и не упоминаетъ, и т. д. Точно также и вопросъ о пресловутой антиноміи между механическимъ и телеологи-

¹⁾ Ed. von-Hartmann. Grundriss der Naturphilosophie. стр. 57.

ческимъ методомъ объясненія органическихъ явлений рѣша-
ется неоламаркистами совершенно въ иной плоскости и въ
иномъ духѣ, нежели у Канта. Паули основательно полага-
етъ, что разрушение этой антиноміи вовсе не входило въ на-
мѣренія Канта при изслѣдованіи телеологической проблемы;
ему нужно было перенести объясненіе объективной разум-
ности цѣлесообразныхъ явлений природы въ критику *чело-
вѣческой способности познанія*, въ субъективную гносеологи-
ческую область. Неоламаркисты же стараются доказать при-
зрачность антиноміи не путемъ критики понятій и способ-
ности сужденія, а путемъ ея приложенія къ дѣйствитель-
ности, какъ и подобаетъ біологамъ. По ихъ мнѣнію, требо-
ваніе механической *закономѣрности* (а не механической *при-
чинности*) отнюдь не ставить телеологической принципіи ла-
маркизма ни въ какую антиномію съ механикой. „Принципъ
сужденія“, при современномъ состояніи нашихъ знаній свой-
ственный даже клѣткѣ, ничего не мѣняетъ въ извѣстной
механической закономѣрности строенія или функціи органа.
Динамические и статистические законы механики безъ вся-
каго противорѣчія совмѣстимы съ „принципомъ сужденія“.
Первые онъ обращаетъ, благодаря соединенному съ нимъ
понятію физической энергіи, въ причину механическихъ дѣй-
ствій, а благодаря своему психическому предикату, оказы-
вается психофизической причиной, притомъ эмпирического,
а не метафизического характера. Органическая причина дѣй-
ствуетъ по механическимъ законамъ, на основаніи которыхъ
долженъ быть построенъ инструментъ, аппаратъ, если имъ
хотять достичь дѣйствій, къ которымъ онъ предназначенъ;
т.-е. *механизмъ* органическихъ явлений основанъ на чисто
механическихъ принципіахъ, и его слѣдуетъ изучать съ точки
зрѣнія механизма. Одно изъ большихъ препятствій для Канта
для признанія органической телеологии заключалось въ не-
обходимости допустить возникновеніе жизни изъ неоргани-
ческаго, что Паули устраиваетъ признаніемъ нѣкоторой *ожи-
вленности матеріи*, т.-е. нѣкотораго естественно-научного, не
метафизического *гилоозизма*, основывающагося на фактиче-
скихъ реаціяхъ неорганическихъ тѣлъ, уже эксперимен-
тально доказанныхъ¹⁾.

¹⁾ A. Pauly. Das urteilende Prinzip und die mechanische Kausalit t. стр.
271—2.

Этимъ признаніемъ гилозоизма неоламаркисты въ кориѣ противорѣчать аристотелико—картезіанскому воззрѣнію на матерію, какъ на нѣчто совершенно безжизненное и бездушное, какового воззрѣнія держался и *Кантъ*, считая, что безжизненность и инерція—основныя свойства матеріи, вытекающія изъ самого ея понятія, которому противорѣчить, поэтому, понятіе живой матеріи, такъ что гилозоизмъ, по его мнѣнію, это „смерть натурфилософіи“.

Не входя въ разрѣшеніе этого противорѣчія, мы укажемъ лишь, что у весьма многихъ современныхъ философовъ и естествоиспытателей имѣется несомнѣнныи наклонъ къ гилозоизму, въ особенности въ связи съ обще-энергетическимъ характеромъ міровоззрѣнія, и этотъ наклонъ имѣеть за себя нѣкоторые серьезные доводы. Точно такъ же сторонники психо-физического параллелизма въ большинствѣ случаевъ допускаютъ наличность элементарныхъ проявленій чего-то родственнаго психическому элементу даже въ неорганической области, такъ что позиція неоламаркистовъ, при современномъ положеніи дѣлъ, совершенно не ведетъ къ „смерти натурфилософіи“, а скорѣе—къ ея возрожденію.

Если мы подведемъ итоги всему вышесказанному, то убѣдимся, что все же телеологіи *Канта* и неоламаркистовъ не такъ противорѣчивы и несовмѣстимы, какъ это кажется сначала; сами неоламаркисты признаютъ изъ „Критики способности сужденія“ лишь одно важное для себя утвержденіе—о недостаточности одного механическаго объясненія природы и необходимости примѣненія телеологической точки зренія при извѣстныхъ условіяхъ; но и основное положеніе *Канта*, что понятіе цѣли есть максима рефлектирующей способности сужденія, намъ кажется возможнымъ совмѣстить съ телеологіей неоламаркистовъ, настаивающей на объективномъ значеніи принципа цѣли.

Если мы беремъ схематизированный міръ *Канта*, состоящей изъ цѣпей и сочетаній абстрактныхъ понятій, гдѣ нѣть развитія и движенія, гдѣ все оцѣнивается лишь съ формальной, гносеологической точки зренія, то мы можемъ признать, что *тамъ* принципъ цѣли, дѣйствительно, играетъ приписываемую ему *Кантомъ* роль; если же мы обратимся къ даннымъ опыта, къ конкретнымъ связямъ и процессамъ, наблюдаемымъ въ эмпирическомъ мірѣ, то тамъ мы прину-

ждены будемъ признать и болѣе широкое значеніе за принципомъ цѣли,—т.-е. не только субъективное, но и объективное.

Формально эвристическое понятіе цѣли приложимо при разсмотрѣніи не только органическихъ, но и неорганическихъ процессовъ, если рядъ причинъ и слѣдствій мы будемъ рассматривать по отношенію къ иѣкоторому конечному результа ту, т.-е. по принципу обратимости причинной связи въ телеологическую по *Вундту* и др. Понятіе же цѣлестремительности, характеризующее телеологический актъ, не можетъ быть примѣнено къ неорганическимъ процессамъ, такъ какъ въ него мы вкладываемъ иѣкоторое имманентное стремленіе, избирающее путь для осуществленія телеологического акта, а также вкладываемъ и указаніе на цѣль, хотя бы не сознаваемую и не пред-намѣчаемую; все это мы констатируемъ только въ сферѣ органическихъ и психическихъ явлений. Задача *психобіологии* неоламаркістовъ и состоять въ томъ, чтобы доказать, что сущность органическихъ и психическихъ явлений тождественна, что иѣть специальной „жизненной силы“, а есть лишь универсальное начало *психического* характера: „принципъ сужденія“ на визшихъ стадіяхъ развитія, постепенно развивающейся, дифференцирующейся и достигающей превращенія въ сознательную психику высшихъ животныхъ и человѣка. При критическомъ разсмотрѣніи „психобіологии“ неоламаркістовъ, въ связи съ анализомъ волевой дѣятельности, мы вернемся опять и къ вопросу о взаимоотношениі телевогії и механизма, къ рѣшенію этой кантовской антиномії.

П. Н. Каптеревъ.
